

Благодарности

За последние девять лет исследования, предпринятые для создания этой книги, привели меня из офиса военного атташе Японии в Вене в подобные кабинеты в Токио, а оттуда на военные базы по всей Японии. Я глубоко в долгу перед теми представителями Сил самообороны, которые в течение долгого времени терпели мое присутствие, несмотря на то что результат моих исследований оставался для многих из них неясным и, возможно, подозрительным. Если за эти годы мне удалось выстроить внутри Сил самообороны сеть коммуникаций, это произошло благодаря небольшому кругу подполковников и полковников, которые поддерживали меня и проявляли творческий подход к делу, помогая мне устанавливать контакты с другими офицерами их ранга в разных регионах Японии. Полагаю, многие из них испытывали удивление, полагали все это забавным, уставали от общения. Но прежде всего они были обеспокоены тем, что год за годом я возвращалась и искала всё новые сведения, просила об интервью, и становилось ясно, что на завершение этой книги уйдет больше лет, чем первоначально планировалось.

Томас Людвиг не переставал задавать мне сложные вопросы, предостерегал и ободрял меня, смеялся вместе со мной и сокрушался по поводу разнообразных деталей моих исследований и текстов. Так Фудзитани, Лора Миллер, Гленда Робертс и Дженнифер Робертсон прочитали мою рукопись и сделали много важных замечаний и предложений, большинство из которых, надеюсь, я смогла учесть при доработке книги. Я хочу выразить признательность за бесценный обмен мнениями и критические

комментарии к разным воплощениям тех или иных частей будущей книги, участниками и авторами которых стали мои друзья Тарак Баркави, Джим Бартоломью, Аарон Белкин, Эяль Бен-Ари, Элис Эдвардс, Синтия Энло, Джеральд Фигэл, Джошуа Фогель, Утте Фреверт, Гарри Арутюнян, Дик Хебдидж, Андре Хертрих, Дэвид Холлоуэй, Глен Хук, Харуко Ивасаки, Кавано Хироси, Дэвид Леэни, Зепп Линхарт, Энгюс Локьер, Стюарт Лоун, Стефан Мишер, Лори Монахан, Норманн Наймарк, Джон Натан, Дик Сэмюелс, Джим Шихан, Аарон Скэбелунд, Бригитте Штегер, Судзуки Акира, Танака Хироми, Танака Масакадзу, Таньо Ясунори, Цуцуи Киётеру, Уено Тидзуко и Берт Уинтер-Тамаки, а также мои аспиранты Тереза А. Альгозо и Сьюзан Макарвер. В Венском университете мне помогли Накамура Йоко, Руми Онодера и Томояма Каори, которые расшифровали несколько сотен часов записанных мною интервью. Важный вклад в подготовку визуальных и статистических данных, которые я привожу в этой книге, внесли Ямамото Нацуки, Боуден Дэвидсон и Диана Мао из Калифорнийского университета в Санта-Барбаре.

Заострить внимание на некоторых разделах книги и углубить их мне помогла реакция на основные положения моей работы, представленные мной в ходе докладов в перечисленных ниже учреждениях — я имею в виду Венский и Токийский университеты (1999), Мичиганский университет, Калифорнийский университет в Беркли, Стэнфордский и Йельский университеты (2001), Университет Киото (2003), Калифорнийский университет в Ирвине (2004), Гарвардский университет (2005).

Помимо этого, я благодарна за обсуждение моих презентаций на ежегодных конференциях Ассоциации азиатских исследований (2004 и 2006), симпозиуме «Трансформация опыта: интерпретируя “открытость” Японии» (Беркли, 2004), конференции «Гендер и нация: японские перспективы», организованной в «Токио Вименз Плаза» (2004), и на ежегодном собрании Ассоциации японских социальных исследований в Берлине (2004).

Работе над этой книгой предшествовали четыре месяца исследований, проведенных совместно с Эялем Бен-Ари в 1998 и 1999 годах; результатом этих исследований стали две статьи:

одна в *Journal of Japanese Studies* (2002), другая в *American Ethnologist* (2003). Помимо этого, с коллегами Танака Масакадзу, Мияниси Каору, Фукуура Ацуко и Нисио Фуми я обсуждала некоторые материалы полевых изысканий на армейских базах в статье, опубликованной в «Дзинбун Гакухо» (2005). Танака Масакадзу создал в Киото первую сеть антропологов, историков и политологов, которые приступили к критическому изучению военных структур по всей Азии. Для меня большая честь — оказаться одним из первых неазиатских участников этой программы. Моя главная исследовательская база, факультет восточноазиатских языков и культурологии в Калифорнийском университете в Санта-Барбаре, и особенно Алан Грэпард и Рон Иган были и остаются важными источниками интеллектуального вдохновения и эмоциональной поддержки, и я особенно благодарна за академический год, щедро предоставленный мне для завершения книги. В Санта-Барбаре члены руководимой Аароном Белкиным фокус-группы по исследованию вооруженных сил, общества и гражданственности помогли мне расширить перспективы моей работы за счет международного и междисциплинарного контекста.

Успешному проведению исследований и созданию этой книги способствовали следующие гранты и стипендии: исследовательский грант Отделения гуманитарных и социальных наук Венского университета (1999); факультетские исследовательские гранты (2002, 2003 и 2004), стипендия Риджентс Хьюмэниэтиз (2003), факультетская награда от Центра междисциплинарных гуманитарных исследований (2005) — все это в Калифорнийском университете в Санта-Барбаре; грант по японистике Совета Северо-Восточной Азии при Ассоциации азиатских исследований (2002); стипендия для исследователей других научных учреждений от Стэнфордского гуманитарного центра (2005/2006). В Японии, когда я работала в качестве приглашенного профессора в Институте гуманитарных исследований Университета Киото (2003), я была одним из получателей предоставленного Министерством образования Японии гранта на совместные исследования. Мои коллеги из Стэнфордского гуманитарного центра помогли мне

сформулировать некоторые крупные теоретические вопросы, которым посвящена эта книга.

Патрисия Марби Харрисон всегда была и остается исключительно внимательным и добросовестным читателем. Я благодарна Риду Малькольму, Калисии Пивиротто, Сью Хайнеманн, Сэнди Друкер и Джэнет Виллануева из Издательства Калифорнийского университета, которые чрезвычайно компетентно способствовали появлению на свет этой книги.

Имена и список сокращений

На протяжении всей книги с целью обеспечить личную безопасность людей, у которых я брала интервью, я использую условные наименования полевых центров и псевдонимы вместо точных имен. Эти псевдонимы при первом упоминании помечены звездочкой. Однако в некоторых случаях, если мне было предоставлено на это разрешение, я использую настоящие имена. В качестве жеста вежливости по отношению к моим респондентам я не включаю в книгу комментарии, которые они делали не для записи.

ВВСС	Военно-воздушные силы самообороны
СССЯ	Сухопутные силы самообороны Японии
ЯА	Императорская японская армия
ЯВМФ	Императорский японский военно-морской флот
МОЯ	Министерство обороны Японии
МССЯ	Морские силы самообороны Японии
НАС	Национальная академия самообороны
НВМАС	Национальная военно-медицинская академия самообороны

Введение

Впервые ступив на тренировочную площадку базы невероятно жарким летом 2001 года, я поняла, что эта часть моего исследования будет сильно отличаться от всего, что я делала раньше. Облаченная в форму Сухопутных войск самообороны (СССЯ), я размышляла, что принесет мне предстоящая неделя базовой армейской тренировки. Каких озарений ожидала я от изнурительной усталости, движения по команде, официального приветствия офицеров, сопровождения новых рекрутов на различные полевые учения, обеда в столовой и сна на армейской двухъярусной кровати? Как сможет повлиять на мое понимание Сил самообороны, а возможно, всех вооруженных сил такого рода исследовательский опыт?

Неделя включенного наблюдения на базе СССРЯ Кибита* на Хонсю составляла малую часть моего исследования, но она представлялась мне особенно важной: ни один ученый до меня — ни японский, ни иностранный — не получал прежде такой возможности. После демонстративного самоубийства в 1970 году Юкио Мисимы военная администрация стала опасаться политических последствий событий, которые могут выйти из-под контроля, а потому не была склонна позволять посторонним следить за повседневной жизнью военных подразделений с близкого расстояния. Мисима поступил на военную службу в апреле 1967 года под своим настоящим именем Хираока Кимитакэ и в итоге обучал группу молодых людей в относящейся к СССРЯ Школе кандидатов в офицеры Фудзи (*Фудзи Гакко*), которую я дважды посещала до моей первой «базовой тренировки». В то время руководство Сил самообороны считало, что присутствие в войсках известного писателя было блестящим рекламным ходом

[Nathan 2000: 220–223, 227; Sugihara Y., Sugihara G. 1997]. Эта иллюзия рухнула 5 ноября 1970 года, когда Мисима и его сторонники из основанного им Общества щита (*Татэнокаи*) захватили базу СССР в Итигая, рядом с Токио. Они взяли в заложники генерала и призвали Силы самообороны свергнуть демократически избранное правительство, а затем Мисима совершил ритуальное самоубийство. Он сделал это в здании бывшей Армейской академии (*Рикугун Сикан Гакко*), главного учебного центра Императорской японской армии, который служит сегодня мемориальным залом Министерства обороны Японии (МОЯ) [Nathan 2000: 270–281; см. также Naito 2001]. Как я покажу в этой книге, Силы самообороны прошли с тех пор долгий путь.

Мне потребовались три года усилий, множество разнообразных стратегий и целая сеть контактов, а также изрядная настойчивость, чтобы попасть на базу СССР Кибита. История началась весной 1998 года с разговора в кабинете японского военного представителя в Вене. Полковник Фудзивара Тосио*, офицер СССР с негромким голосом и отличным немецким языком, предоставил мне несколько контактов с другими военными в Японии. Для первого посещения Министерства обороны Японии (тогда еще находившегося в Роппонги, Токио) я припасла в кармане два письма: одно от министра обороны Австрии, другое от посла Австрии в Японии. Оба были адресованы директору обороны МОЯ и содержали просьбу поддержать мои исследования. Многочисленные звонки в МОЯ долгое время не приносили результата, поэтому в ожидании успеха в переговорах с руководством я работала над другими направлениями главной темы. Однако получить разрешение на посещение базы с целью включенного наблюдения — письменное, устное или по телефону — я так и не могла. Наконец двери открылись, и Фудзивара, с которым после его возвращения в Японию я встречалась по крайней мере раз в год, сообщил, что один из его бывших начальников в Национальной академии самообороны (НАС) согласился допустить меня на базу, которой командовал.

К времени моего прибытия на базу СССР Кибита я уже три года изучала Силы самообороны. Целью пребывания на этой

базе было получение дополнительного представления о повседневной жизни военнослужащих, без чего трудно было понять место вооруженных сил в современной Японии. Я заинтересовалась военными, когда писала книгу о том, как секс стал объектом научных исследований (2003). Хотя в Японии довольно небрежно относятся к понятию табу в контексте секса и сексуальности, я обнаружила, что это понятие гораздо чаще используется здесь в применении к военным сюжетам и темам. С 1880-х до начала 1940-х годов, во время вооруженных конфликтов или мира, военные в Японии присутствовали повсюду, милитаризм проникал во все элементы современной культуры — от науки до искусства, от государства до отдельного человека. Послевоенная Япония, напротив, напоминала Токио в видении Ролана Барта: город с пустым и невидимым центром [Barthes 1982: 31–33]. Это было национальное государство с мощной армией, которая в значительной степени оставалась невидимой, о ней редко упоминали, и сами военные предпочитали молчать. В 1998 году, когда я начинала свои исследования, Силы самообороны изучались лишь несколькими учеными, а многие специалисты в Японии, казалось, вообще не интересовались этой темой или даже боялись присматриваться к такому объекту. В Соединенных Штатах отсутствие интереса к изучению вооруженных сил как общественного института можно объяснить разгромом во Вьетнаме, в результате которого моральная репутация военных была подорвана, и они как бы не заслуживали антропологического исследования [Ven-Ari 2004: 340]. В Японии причины такой отстраненности, вероятно, варьируются от самого факта неконституционности Сил самообороны до их невыразительности, вызванной тем, что они не участвуют в реальных сражениях. Начиная со своего первого выпуска в 1965 году «Журнал военной истории» (*Гундзи Сигаку*) был посвящен в основном тонкостям конкретных битв с участием Императорской армии и флота, а вот о Силах самообороны там опубликовали лишь несколько статей. Наконец, в 2004 году вышел специальный номер о Силах самообороны, посвященный их пятидесятилетию. Японские феминистки не поднимали вопрос о милитаризме и не проявляли интереса к попыткам Сил само-

обороны интегрировать женщин и обеспечить им равное с мужчинами обращение — такое безразличие было вызвано общими пацифистскими убеждениями. Лишь в последнее время традиционное для послевоенной Японии противоречие между феминизмом и милитаризмом поставили под сомнение и стали призывать женщин-военнослужащих «изменить Силы самообороны изнутри» [Ueno Ch. 1998; Shimada Y. 2002; Sätö 2004]. Один японский социолог объяснял мне отсутствие социологического интереса к Силам самообороны предположением, что для общества не имеет значения, какой образ жизни ведут военнослужащие, потому что сами они не имеют политического значения. Еще один японский антрополог высказал убеждение, что Силы самообороны не являются достойным объектом исследования, поскольку их нельзя считать «настоящими» вооруженными силами, а потому они «слабы». Другие пренебрежительные отзывы, казалось, были вызваны опасением, что мои исследования могут легитимизировать Силы самообороны.

Такой запрет на изучение весьма проблематичен, потому что, в конце концов, военные оказываются в центре ряда важных дебатов, в ходе которых выстраивается линия разграничения между ними и гражданским обществом. Эти дебаты и их итоги имеют последствия и для Сил самообороны. Но независимо от особенностей Японии или моих личных мотивов и интересов надо признать, что мы живем в эпоху, когда исследовать военные учреждения очень важно.

С момента окончания Второй мировой войны все государства мира, особенно Соединенные Штаты, прошли серьезную и неуклонную милитаризацию — от увеличения военных бюджетов до вторжения военных в жизнь гражданских лиц, от нормализации военных идеалов до слияния военной и гражданской сфер в неразрывное целое. Окончание холодной войны должно было запустить масштабное разоружение. Вместо этого после одиннадцати лет сокращения вооружений в мире военные бюджеты — важный показатель милитаризации — снова начали расти. Мировые военные расходы растут в реальном выражении на 3–4 % с 2004 года и на 34 % за десятилетие с 1996 по 2005 год. Этот резкий

поворот был связан в первую очередь с огромным ростом военного бюджета США, на который сейчас приходится почти половина общемирового, но свой вклад в него внесли и реальные военные расходы Японии. В 2019 году они были на 20 % выше, чем за десятилетие до этого, даже несмотря на то, что их доля в ВВП Японии оставалась примерно на уровне 1 %¹.

По данным Стокгольмского международного института исследования проблем мира, Япония занимает четвертое место в мире по военным расходам, обладая оборонным бюджетом в 42,1 млрд долларов, или 4 % от мирового объема расходов на вооружения. В пятерку стран с наибольшими военными расходами включены также США (\$478,2), Великобритания (\$48,3), Франция (\$46,2) и Китай (\$41,0). Однако по паритету покупатель-

¹ По общему мнению, расчет военных бюджетов сложен, потому что способ получения конкретных цифр остается непрозрачным и эти показатели сильно различаются в зависимости от агентства, которое ведет подсчеты. Доклад Стокгольмского международного института исследования проблем мира предостерегает, что количество информации о вооружениях скудно, идет ли речь о количественных данных по стоимости производства и продаж оружия, о данных отдельных компаний или о данных в национальном масштабе. Существуют две причины такой нехватки информации: во-первых, секретность производства вооружений, вызванная чувствительными военными и политическими аспектами, и, во-вторых, трудность распознавания производства вооружений и установления различий между военной и гражданской продукцией [SIPRI 2006]. Следовательно, имеющиеся данные об общем объеме производства/продаж оружия в стране являются приближенными, основанными либо на специальных усилиях, направленных на то, чтобы вынудить компанию-производителя дать какую-то оценку своих продаж, или получить от государственных органов сведения об общих расходах на закупки вооружения внутри страны, а затем добавить данные об экспорте оружия, но не включать сюда его импорт. В таких странах, как Япония, оценки делаются министерствами и ассоциациями оборонной промышленности. Так, например, в недавнем отчете МОЯ оборонный бюджет Японии оценивается в 35 млрд долларов (0,98 % ВВП), а это третье место в мире после США и Великобритании; Япония опережает по этому показателю Францию и Германию, но надо учесть, что при сравнении не учитывались данные о военных бюджетах других крупных держав [Böischö 2005: 122]. По данным Стокгольмского международного института, эти цифры гораздо выше — 42 млрд долларов, не включая военные пенсии и расходы на Комитет специальных операций на Окинаве [SIPRI 2006].

ной способности Японии занимает лишь восьмое место, уступая США, Китаю, Индии, России, Франции, Великобритании и Саудовской Аравии [SIPRI 2005].

Как показала политолог-феминистка Синтия Энло [Enloe 1990, 1993], признаки милитаризации не всегда так очевидны и не сводятся к размерам военного бюджета. Их можно заметить и в «пошаговом процессе, когда человек или объект постепенно переходит под контроль военных или его благополучие начинает зависеть от милитаристских идей» [Enloe 2000: 3]. Эндрю Дж. Бачевич [Bacevich 2005: 2], выпускник Военной академии США, ветеран вьетнамской войны и историк, формулирует это иначе. Он писал, что американцы стали жертвой милитаризма, проявлявшегося в романтизированном взгляде на солдат, склонности воспринимать военную мощь как истинную меру национального величия и непомерных ожиданиях эффективности применения силы. Бачевич утверждал, что американцы в беспрецедентной за всю историю своей страны степени стали определять силу и благополучие нации в категориях боеготовности, успеха военных действий и поощрения военных идеалов (или ностальгии по ним). В самом деле, милитаризация американского общества зашла так далеко, соглашается антрополог Кэтрин Лутц [Lutz 2001: 8], что различие между гражданским и военным превратилось в искусственно поддерживаемую иллюзию. Социолог Майкл Мэнневен отвечал, что понятие гражданского контроля за вооруженными силами утратило смысл, поскольку ведущими милитаристами зачастую были гражданские лица (см. [Bacevich 2005: 63]).

Обозреватели, следившие за положением дел в Японии, утверждают: хотя большая часть послевоенной истории страны характеризовалась ярко выраженным антимилитаризмом, резко контрастировавшим с настроениями в Соединенных Штатах, в последнее время наметилась тенденция к тихой, скрытой милитаризации. Послевоенная Япония начинала с особой военно-общественной конфигурации, которая представляла собой решительный жест разрыва со своим империалистическим и милитаристским прошлым. С 1872 по 1945 год Императорская

японская армия (ЯА) обладала огромной социальной и политической властью, а Силы самообороны, перейдя под гражданский контроль, радикально отменяли эту традицию. При этом они оказались политически и социально маргинализированы, став почти невидимыми для общества в целом. ЯА боролась с врагами во имя создания и расширения Великой Японской империи, с которой было покончено в 1945 году. Силы самообороны ведут исключительно небоевые действия. Они спасали жертв землетрясения, оползней, лесных пожаров и авиакатастроф, они восстанавливали разрушенную инфраструктуру и участвовали в миротворческих миссиях ООН (*кокусаи хэйва к ёрёку кацудё*), а на более приземленном и скромном уровне — строили спортивные площадки и охраняли места проведения массовых мероприятий. Но самое главное, все эти годы они не принимали участия в боевых действиях².

Однако в 2004 году впервые после окончания войны в Азиатско-Тихоокеанском регионе они развернули части в зоне боевых действий³. 9 января 2004 года первые подразделения СССЯ и Военно-воздушных сил самообороны (ВВСС) высадились в Самаре (Ирак), действуя на основании Закона о гуманитарной помощи и специальных мерах в Ираке (*Ираку дзиндё фуккё сиэн токусохё*), принятого 3 декабря 2003 года. Согласно этому закону Силы самообороны должны были «помочь с восстановлением безопасной жизни иракского народа и созданием политических органов, от которых зависят демократические меры» [Zaidan

² С течением времени количество миротворческих миссий ООН резко возросло — особенно быстро этот процесс пошел с окончанием холодной войны. Между 1956 и 1989 годами таких миссий было 13, а после 1999 года — 39, причем 14 продолжают на момент написания книги [Böeichō 2005: 357–358].

³ Примерно 3000 военнослужащих СССЯ 31 мая 2005 года прибыли для участия в миротворческой миссии в дополнение к силам, уже действующим в Ираке на основании Закона о гуманитарной помощи и специальных мерах в Ираке. После первой подобной миссии в Гондурасе в 1998 году около 2300 военнослужащих принимали участие в международных миссиях по ликвидации последствий катастроф [Böeichō 2005: 535–537].

Hōjin Bōei Kōsaikai/Securitarian 2004a: 10–11]⁴. Развертывание этих частей вызвало немало возражений, поскольку для современных японских военных оно имело огромное символическое значение. Это развертывание инициировало ряд серьезных изменений в системе обеспечения безопасности Японии и ускорило превращение Сил самообороны из невидимого и как бы забытого феномена, находящегося на обочине интересов общества, в самый центр политического дискурса и общественного внимания [Yoshida Toshihira 2003]. Проходившие прежде в Японии дебаты о потенциальных военных угрозах проходили в основном за закрытыми дверями, между военными экспертами и стратегами, специализирующимися на политике безопасности. Теперь все эти вопросы обсуждались публично. Национальные телеканалы и газеты, прежде опасавшиеся размещать новости о Силах самообороны, за исключением их участия в ежегодных символических акциях и редких скандалах (например, в скандале с наркотиками в МССЯ; «Асахи Синбун», 29 сентября 2005), начали публиковать о них развернутые рассказы. Международные события, в том числе объявление в начале 2003 года лидерами Северной Кореи о том, что они обладают ядерным вооружением, что было подтверждено в начале 2005 года, а также проведенные ими 9 октября 2006 года ядерные испытания повысили интенсивность дебатов о боеготовности Сил самообороны и их соответствии текущему состоянию мира [Pilling 2004b]. В 2004 году, когда Национальный план обороны впервые подробно рассматривал Китай и Северную Корею в качестве потенциальной угрозы безопасности Японии, интерес общества к вооруженным силам резко возрос,

⁴ В точности закон предписывал участие Сил самообороны в следующих акциях: МССЯ предоставляют не более двух транспортных кораблей и не более двух кораблей сопровождения; ВВСС предоставляют не более восьми транспортных самолетов и самолетов для базирования, а также вооружение, необходимое для обеспечения их безопасности; СССЯ предоставляют не более 600 служащих, не более 200 транспортных средств, единиц пистолетов, автоматов и ружей, а также безоткатных орудий и противотанковых снарядов, необходимых для обеспечения их безопасности [Zaidan Hōjin Bōei Kōsaikai/Securitarian 2004a: 14–15].

а международные СМИ создали впечатление, что Япония резко изменила курс с антивоенного на националистский и, возможно, военный, — в этой книге я намерена подробно проанализировать такой взгляд на ситуацию.

В полемике об отношении к противоречивой военной истории Японии современные служащие Сил самообороны тоже порой оказываются «слоном в посудной лавке». Целый ряд фактов свидетельствует о желании исключить из общественного сознания историю: среди таких акций можно назвать создание Японского общества по реформированию школьных учебников и Ассоциации по продвижению либерального взгляда на историю, а также одобрение Министерством образования учебников по истории, обеляющих Японию военного периода, или посещение премьер-министром Коидзуми Дзюньитиро храма, посвященного павшим солдатам, среди которых есть лица, осужденные за военные преступления. По мнению критиков, принадлежащих почти ко всему политическому спектру, одним из следствий этого является утрата живой памяти об истории Новейшего времени в самой Японии, притом что она сохраняется в бывших японских колониях, и это создает противоречие, которое снова начинает разрушать межгосударственные отношения в регионе [Philling 2006]. Преподаватель высшей школы на Окинаве, где студенты изучают историю острова только до Битвы за Окинаву, пренебрегая всеми последующими военными событиями, готов взять долю вины на себя. Он говорит: «Это наша ответственность, мы продолжаем настаивать на мире, на мире — притом что мы не изучаем войну и ничего не знаем о военной истории» [Ishikawa 1995a: 109].

Идея приверженности Японии делу мира зафиксирована в Конституции, и в последние годы к ней обращаются все чаще. В докладе о выполнении миссии в Ираке особо подчеркивалось, что как член Организации Объединенных Наций Япония вносила свой вклад в общее дело и «сотрудничала, оставаясь в рамках японской Конституции»; важно помнить, что Конституция запрещает Японии содержание постоянной армии. Таким образом, современные дебаты о пересмотре Конституции затрагивают

ключевой вопрос послевоенной позиции Японии, и наибольшую озабоченность вызывает легитимность вооруженных сил⁵. В настоящее время Статья 9 гласит: «Искренне стремясь к всеобщему миру, основанному на справедливости и порядке, японский народ навсегда отказывается от войны как суверенного права нации и от угрозы применения силы как средств разрешения международных споров. Для осуществления цели, упомянутой в предыдущем параграфе, никогда не будут содержаться сухопутные, морские и воздушные силы, а также другой военный потенциал. Не признается право государства на воинственность» [Inoue Kyoko 1991: 275]. В апреле 2005 года Конституционная комиссия нижней палаты Парламента (*Сёдзин кэнно тёса-каи*), созданная впервые после войны в Персидском заливе в 1992 году, подготовила доклад на 723 страницах (*Сёдзин кэнно тёса-каи хококусю*). В докладе анализируется, как пересмотр Статьи 9 повлияет на вооруженные силы, и рекомендуется пересмотреть ее, чтобы определить законность Сил самообороны, недвусмысленно заявив о праве нации на самооборону («Асахи Синбун», 2005, 16 апреля). Притом что и справа, и слева есть эксперты, выступающие за пересмотр этой статьи [Hook, McCormack 2001], возможность такой ревизии становится весьма вероятной. Но пока идут дебаты, следует задуматься о том, что означает для военнослужащих работать и рисковать жизнью во имя государства, объявившего саму их организацию не вполне законной. Мое исследование повседневного опыта, мотивации, карьерного выбора и взглядов военных на общие вопросы о положении воору-

⁵ Согласно опросам по исследованию общественного мнения вооруженные силы — самый тревожащий вопрос при обсуждении Конституции; он уступает по важности лишь проблеме охраны окружающей среды. «Отказ от войны» — формулировка, которая вызывает озабоченность у 33,9 % опрошенных — можно сравнить с 45,2 % озабоченных состоянием окружающей среды, это две самых важных темы применительно к Конституции. Эти данные получены в результате опроса общественного мнения (вопрос 11), проведенного «Ёмиури Симбун» в марте 2001 года: в разных регионах Японии было опрошено 3000 респондентов старше 20 лет. В ходе индивидуальных интервью этот ответ дали 1946 человек, или 64,9 % опрошенных [Naikaku Sōri Daijin Kanbō Kōhō-shitsu 2001: 510].

женных сил говорит о существовании главного парадокса отношений между военными и обществом в Японии: о противоречии между Статьей 9 и самим фактом существования японских вооруженных сил. Помимо этого, есть парадоксы содержания вооруженных сил в любом демократическом государстве: противоречие между запретом на насилие в гражданской жизни и военной подготовкой и потенциальным запросом на насильственные действия, а также противоречие внутри профессии, которая учит людей убивать, применять насилие, но внушает, что они должны избегать этого, — их готовят к чему-то, что не должно происходить, постоянно создавая ощущение, что все их способности и навыки совершенно не нужны.

Среди военных учреждений страны Силы самообороны были нерешительными и осторожными первопроходцами. Тщательно сдерживая и переосмысливая потенциал насильственных действий от имени японского государства, они нащупали пути преобразований, которые позднее стали намечаться и в военных организациях других стран мира, — это явление оказалось настолько значимым, что военные социологи охарактеризовали такой новый тип вооруженных сил термином «постмодернистский» [Moskos et al. 2000]. С самого начала на Силы самообороны возлагались задачи, которые другие армии, прежде всего вооруженные силы США, добавили к списку своих функций лишь недавно, в том числе общественные работы, помощь при стихийных бедствиях и поддержание мира. Энтони Дзинни, отставной генерал Корпуса морской пехоты США и бывший главнокомандующий Центральным командованием Соединенных Штатов, уверен, что «настоящая военная служба», характерная для войн XX века, подходит к концу. Дзинни изложил свое видение будущего вооруженных сил США и, предположительно, вооруженных сил других постиндустриальных демократических стран, к числу которых относится и Япония:

Мы игнорируем настоящие боевые требования наших дней... Мы хотим найти настоящего демона-противника — смесь Гитлера, Тодзио и Муссолини, — чтобы прийти в его столицу и раздавить его там. Безоговорочная капитуляция.

Затем мы реализуем план Маршалла, примем под опеку многострадальных побежденных и поможем им войти в сообщество наций... Но этого не произойдет... мы должны действовать в рамках гуманитарных операций, ликвидировать последствия, поддерживать мир и принуждать к миру. В какой-то момент нам придется реагировать на экологическую катастрофу. Правда состоит в том, что сам военный конфликт изменился, и мы не хотели это признавать... Непривычные ранее миссии по отражению транснациональных угроз или восстановлению наций сегодня уже в порядке вещей, но мы все еще к ним не адаптировались [Urquhart 2004: 32]⁶.

Далее я исследую, как Силы самообороны интерпретируют смысл этих «непривычных миссий», которые Дзинни считает будущим вооруженных сил. Однако шаги Сил самообороны в направлении нового типа военной организации не обеспечили плавного перехода к различным модусам гендерного аспекта армии, сбалансированным отношениям с гражданским обществом или даже преодолению проблем в восприятии собственного прошлого. На самом деле, несмотря на то что все больше военных образований обретают характеристики и новые задачи, аналогичные характеристикам и задачам Сил самообороны Японии, служащие ССЯ часто ощущают свое несоответствие тому, какими, по их мнению, должны быть настоящие, нормальные вооруженные силы.

Прежде чем углубиться в анализ текущего состояния Сил самообороны, необходимо сделать краткий экскурс в их историю⁷.

⁶ Как будто в подтверждение позиции Дзинни, звучат результаты военного исследования усилий по ликвидации последствий урагана Катрина в 2005 году, когда вооруженные силы США обсуждали необходимость введения специальной подготовки и экипировки для такого рода деятельности, чтобы эффективно и оперативно откликаться на природные катастрофы, включая крупные ураганы, наводнения или землетрясения (Eric Schmitt and Thorn Shankar. Military may propose an active-duty force for relief efforts // Нью-Йорк таймс. 2005, 11 октября).

⁷ Познакомиться с траекторией развития Сил самообороны с момента их основания можно в исследованиях: [Buck 1975; Chamban 1997].

Уже после окончания Второй мировой войны, 8 июля 1950 года, на волне американского участия в Корейской войне, был основан Резерв национальной полиции (*Кэйсацу Ёбитай*), переименованный 1 июля 1954 года в Силы самообороны (*Дзиэтай*). Силы самообороны Японии состоят из трех частей — сухопутной, морской и воздушной; они оснащены новейшей военной техникой (танками, кораблями, самолетами и разнообразными первоклассными, однако не ядерными видами вооружений) и имеют все типичные для всех вооруженных сил организационные элементы (территориальные подразделения, бригады, методы тренировки) [Вōeichō 1999: 437. Граф. 46 и 47]. В данной книге главным объектом исследования стала крупнейшая часть Сил самообороны, а именно СССЯ — Сухопутные силы самообороны Японии, насчитывающие 148 000 военнослужащих. Военно-воздушные силы самообороны (ВВССЯ) — это 46 000 служащих, а Морские силы самообороны (МССЯ) — 44 000 служащих. При 37,8 % национального бюджета на их содержание СССЯ получают максимальную долю финансирования⁸.

Начиная с 1950-х годов отношения военных и общества в Японии претерпевали постепенные, но важные изменения, и сдвиги происходили обычно после тех или иных действий Сил самообороны. В 1960 году наступил момент, когда власти хотели мобилизовать Силы самообороны для подавления внутренних беспорядков: в Японии проходила крупнейшая в ее истории массовая демонстрация, сотни тысяч граждан протестовали против продления Договора о взаимном сотрудничестве между Японией и США (*Нитибэй Андзэн Хосё Ёяку*), который должен был прочно связать страну с интересами последних в Дальнево-

⁸ ВВСС получают 23,1 %, и 22,6 % выделяется на долю МССЯ, еще 11,1 % идет на содержание оборонительных укреплений и 5,4 % — на «другие цели» [Вōeichō 2005: 121]. Штат укомплектован на 90 % (СССЯ), 96,9 % (МССЯ) и 96,4 % (ВВСС) [Вōeichō 2002: 354]. СССЯ включает в себя 12 дивизий, 12-ю и 13-ю бригады, 1-ю и 2-ю смешанные группы; все они относятся к Северной армии и базируются на Хоккайдо; Северо-Восточная и Восточная армии расположены на Хонсю; Центральная армия распределена между Хонсю и Сикоку; Западная армия базируется на Кюсю.

сточно-Тихоокеанском регионе. Перед тем как разразились беспорядки, начальник штаба СССЯ Сугита Итидзи разослал ряду высокопоставленных офицеров, находившихся под его командованием, конфиденциальный план мобилизации для поддержания порядка [Sase 1980: 94]. Многие из этих офицеров, как он сам позднее вспоминал, не хотели даже думать о такой мобилизации Сил самообороны и применении их против населения Японии — они надеялись, что полиция справится с подавлением демонстраций без их участия⁹. В такой взрывоопасной ситуации сила общественных антивоенных и антимилитаристских настроений помогла удержать МОЯ от применения против протестующих войск [Yamamoto 2004: 229]. Массовые выступления прекратились, когда премьер-министр Киси Нобусукэ, занимавший пост министра торговли и промышленности в правительстве Тодзэ Хидэки с 1941 по 1945 год, а затем заключенный как военный преступник в тюрьму класса «А» и содержавшийся там до 1948 года, ушел на волне общественного негодования и протестов против договора в отставку, и его место занял Икэда Хаято, представивший план удвоения доходов. Движение против договора о безопасности с США со временем разделилось на локальные движения против американских военных баз, и сегодня на публичной арене нигде за пределами Окинавы, где протесты направлены именно против находящейся там базы США, о нем почти не упоминают [Angst 2003; Asato 2003; Ishikawa 1995a; Takazato 1996, 2003].

⁹ Родившийся в 1922 году Сугита обучался в Императорской военной академии и затем был направлен на службу в Малайзию. После Второй мировой войны он занимал в СССЯ ряд высоких постов и ушел в отставку в 1962 году. В конце 1970-х в разговоре о возможном удалении формулировки «мобилизация для поддержания порядка» в пределах Японии он настаивал на том, что этот пункт необходимо сохранить. С его точки зрения, люди, которые «критикуют Силы самообороны за то, что те в состоянии повернуть оружие против японского народа, ведут психологическую войну за ослабление страны, как прежде это делали коммунисты». Сугита ссылался на ранние прецеденты развертывания Резерва национальной полиции, которое помогло полиции разогнать демонстрацию в кровавый Первомай 1952 года [Sase 1980: 98–99].

Еще одним водоразделом в отношениях между военными и обществом в Японии стали в начале 1990-х годов последствия Войны в Персидском заливе, которые оказали воздействие на самовосприятие военнослужащих и общественное мнение о Силах самообороны [Ishikawa 1995b; Hook 1996]. Япония вложила в эту войну 12 млрд долларов и в апреле 1999 года направила в Персидский залив минные тральщики, впервые после Второй мировой войны развернув вооруженные силы за пределами страны. Соединенные Штаты жестко критиковали Японию за то, что ее командование не подвергало опасности своих солдат (Uwe Schmitt, *Frankfurter Allgemeine Zeitung*, 1999, 9 января). Эта критика побудила МОЯ предпринять более согласованные усилия для улучшения профессиональной пропаганды своих войск [Bessatsu Takarajima 1991; Inoguchi 1991; Ito 1991; Yamaguchi J. 1992], и это вызвало дебаты об ответственности Японии на международной арене и вкладе страны в международную безопасность (*кокусай кёкэн*). Несмотря на сомнения в правомерности развертывания японских вооруженных сил за пределами Японии, участие страны в международных миротворческих миссиях получило подтверждение *post factum*, и эта стратегия способствовала усиленному восхвалению Сил самообороны [Hook 1996: 125–126]¹⁰. Первая такая миссия имела место в Камбодже вскоре после принятия закона, регулирующего участие Японии в миротворческих миссиях (*Кokusai хэйва киёрёкухо*). Японский контингент сопровождала внушительная группа представителей прессы, документировавшая каждое движение

¹⁰ Закон, регулирующий участие Японии в миротворческих миссиях (*Кokusai хэйва киёрёкухо*), получил одобрение в Парламенте 15 июня 1992 года и в августе того же года был применен на практике. Он содержит пять принципов, касающихся условий и обстоятельств, в которых Япония может участвовать в миротворческой миссии: (1) конфликтующие стороны должны достичь соглашения о прекращении огня; (2) конфликтующие стороны, включая государства, на территории которых они находятся, должны дать согласие на развертывание миротворческих сил и участие в их составе Японии; (3) миротворческие силы должны соблюдать незаинтересованность, не выступая на одной из сторон конфликта; (4) если одно из перечисленных

Конец ознакомительного фрагмента.

Приобрести книгу можно

в интернет-магазине

«Электронный универс»

e-Univers.ru